

СУДЬБЫ

Волынец А.

«Если решил, что тебе хуже всех, — ЖИТЬ действительно не стоит»

«Я всегда был уверен, что найду себя.—Сидящий напротив рослый мужчина улыбается и, как бы извиняясь, добавляет:—Просто нас так учили, что мы можем все».

Его адрес мне дали в Клубе моряков-подводников. «Повесть о настоящем человеке» читал? У нас на флоте тоже есть свой Маресьев».

Никаких подвигов Дима Лохов совершать не планировал. Его дед и отец были морскими офицерами, и он, как и тысячи с пеленок влюбленных в море мальчишек, продолжил семейную традицию. Нахимовское училище, Высшее военно-морское училище имени Дзержинского и, наконец, в 1986 году—служба на одной из атомных подводных лодок Северного флота в бухте Западная Лица. Это было время исполнения желаний: любимая жена, сынишка и море. Служба давала ощущение причастности к какому-то большому делу и морскому офицерскому братству. Да и чисто по-мужски Дмитрию нравилось чувствовать себя удачливым, уважаемым и хорошо обеспеченным человеком. Перспективы карьеры в тогда еще живом советском ВМФ были самыми радужными.

«Лучшее на флоте—это отношения между людьми. Худшее—все то, что исходит от системы, которая не думает о человеке». 29 мая 1992 года очередная причуда системы огненной вспышкой перечеркнула все его надежды.

Во время выполнения боевой задачи на подводной лодке вышел из строя компрессор, его восстановление требовало долгого и серьезного ремонта. Несмотря на это, командование дивизии распорядилось еще раз выйти в море. Для ремонта на скорую руку на стоящую у причала субмарину прибыл начальник электромеханической части дивизии. Механик лодки пытался отговорить его от рискованной операции, но это не помогло.

«Возвращаясь с ужина, я увидел сидящего у отсека сослуживца: «Только что запустили компрессор, и там полно начальства, нам лучше переждать». Но я вошел в отсек.

Взрыва я совершенно не заметил. Просто вдруг чувствую, лежу на спине и все тело страшно болит. В ногах кровавое месиво, и ничего не разобьешь. Но почему-то совсем не было страха, скорюе, удивление.

Взглянул на левую руку: кисть оторвана, и только два пальца как-то очень странно висят. Я еще подумал: «Как у курицы лапка».

Техника к начальственным директивам оказалась равнодушной: не выдержав халатного отношения, компрессор взорвался. Осколками металла были серьезно ранены пять человек, положение двоих—Дмитрия и берегового электромеханика—было крайне тяжелым. От взрыва и вида крови поведение людей стало совершенно неадекватным. Ошалелый сослуживец спросил у Дмитрия: «Ты чего кричишь?» Начальник электромеханической службы, которому взрывом разворотило живот, решил сам подняться в рубку и доложить о случившемся, но сумел сделать только несколько шагов по коридору. Все вокруг суетились и кричали, но о том, чтобы толком помочь пострадавшим, как-то не подумали. Раненых даже не перевязали, и они продолжали истекать кровью. «Когда минут через тридцать прибыла бригада медиков и меня начали поднимать из лодки, впервые пришел страх, что на весу оторвутся искореженные взрывом конечности. Помню, я все просил: «Ноги поддерживайте, ноги!»

В карету «скорой помощи» Дмитрия Лохова положили вместе с дивизионным электромехаником, который к тому времени уже скончался. Звучит цинично, но именно это спасло Дмитрию жизнь. В подобных случаях у врачей времени и средств зачастую хватало только для спасения жизни одному, старшему по званию пострадавшему.

Все это время офицер находился в сознании, «отключился» он только у дверей реанимации. Человеческая психика причудлива. Перед выходом в море его часы остановились, и он взял дамские ходики у жены. Последнее, что Дмитрий запомнил перед потерей сознания,—как пытался объяснить врачам, что эти часы обязательно, просто обя-

зательно нужно вернуть Светлане.

Примчавшейся в госпиталь Светлане сказали, что у мужа шансов не много. Его организм функционировал в режиме «трубы», взятая у доноров кровь тут же выливалась из многочисленных ран. На двенадцатом донорском литре кровотока наконец удалось остановить. И только через двое суток начальник реанимационного отделения сказал: «Теперь мы с тобой, Светлана, можем выпить—похоже, он будет жить». Остался вопрос—как именно.

Дмитрию ампутировали кисть левой руки и практически всю левую ногу, будущее правой ноги, раздробленной на мелкие осколки, было под большим вопросом. Когда Светлана впервые увидела мужа после операции, он показал на ноги и тихо спросил: «Знаешь?»

Для дальнейшего лечения Дмитрия перевезли в Североморский госпиталь. Уволившись с работы, она поехала за ним. Он лежал неподвижный и подавленный, но Светлана продолжала видеть в нем «молодого, веселого и компанейского парня», которого когда-то полюбила. «Я думаю, что ей было гораздо тяжелее, чем мне. У меня ведь не было выбора... Она сама решила поселиться со мной прямо в палате. Представь, в комнате пять искалеченных мужиков и одна молодая девушка. Она ухаживала за нами, утешала всех, помогала медсестрам. А когда человеку плохо, он капризен—мучили мы ее... Как она все это 9 месяцев выносила, я не понимаю. Пытался как-то спросить: «Не будем, Дима,—отвечает,—об этом говорить».

В правой ноге начал развиваться остеомиелит, или, проще говоря, гниение кости. В местном госпитале с этим справиться не могли, и Дмитрия перевели в Санкт-Петербургскую военную-медицинскую академию. В общей сложности лечение продолжалось три года, и в конце концов ногу удалось сохранить, правда, без коленного сустава, что чрезвычайно осложняет хождение. Со стороны кажется, что человек идет на двух протезах от бедра. «Лечение было долгим и болезненным, но отчаяния я себе не позволял. Просто было плохо, очень плохо. В особен-

ности когда с ногой месяцами ничего не менялось и маячила перспектива новой ампутации. Но меня очень поддерживала жена, мы знали, что в конце концов все будет хорошо. Именно тогда я понял, что в любой ситуации категорически нельзя говорить, что тебе хуже всех,—это конец, тогда жить действительно не стоит.

И еще я решил, что в инвалидную коляску больше не сяду.

Может быть, здоровому это трудно понять, но в каком-то смысле на коляске проще. Однако, если люди в моем положении в нее надолго садятся, многие уже не встают никогда. Это на первый взгляд незаметный, но на самом деле переломный момент».

И он начал ходить—на протезе от бедра и болящей, прямой и совершенно не слушавшейся ноге. Сначала нужно было заново учиться стоять, потом делать первые шаги, держась за мебель, и лишь затем ходить на костылях. Это требовало колоссальных усилий, ведь левый костыль держать было практически нечем.

С первых шагов началось возвращение, здесь как нельзя кстати пришла поездка в Саки, некогда общесоюзный реабилитационный центр инвалидов. Это уникальный город, где на коляске можно свободно проехать в любой магазин, кинотеатр или на рынок. «Там я впервые осознал, что даже инвалиды могут нормально жить, любить и работать. Грязевые ванны Саки очень полезны при бесплодии, поэтому туда приезжают много молодых женщин. И у них с парнями-инвалидами завязываются какие-то отношения, появляются дружба и даже любовь. Я видел, как танцуют на колясках! Жизнь не кончается...

На снимках: Дмитрий и Светлана на выпускном вечере, 1986 г. (слева); семья Лоховых в клубе моряков-подводников, 1997 г.

—Здесь Дмитрий на минуту задумывается и затем продолжает почти скороговоркой:—А вот этим искалеченным парням из Чечни—им ведь никто по-человечески не объяснил, что они по-прежнему нормальные люди! Их забыли и бросили. Инвалидность—как приговор: сиди дома и не высывайся! В городе с помпой открываются шикарные магазины, ремонтируются улицы, но вы видели хоть одно место, куда можно заехать на коляске? На протезах—и то не всегда войдешь... А автомобильные парковки специально для инвалидов, как во всем мире, вы видели?»

Когда вера в свои силы окрепла, остальное было делом техники. Два военных моряка—отец и сын—вместе написали письмо в Министерство обороны, и через некоторое время пришел ответ, что решением Главкома ВМФ капитан 3-го ранга Д. Ю. Лохов оставлен в рядах Вооруженных сил России. Отец помог Дмитрию устроиться военным представителем в конструкторское бюро «Малахит», обслуживающее потребности подводного флота. «Может быть, чисто физически я не такой, как все, но голова у меня работает нормально, а это именно то, что в моей работе необходимо. И для меня очень важно, что я могу приносить какую-то пользу семье и стране да и просто каждый день общаться с людьми. Маршрут «дом—больница—дом» меня просто сводил с ума, это было невыносимо. Думаю, что работа для инвалида—это огромный плюс, значение которого действительно трудно переоценить».

не решение всех проблем. До службы еще необходимо добраться, что с нашим общественным транспортом бывает проблематично даже для абсолютно здоровых людей. Попытка получить инвалидную машину на празднование 300-летия Российского Флота не удалась. Именно тогда Дмитрия выручило морское братство, в которое он так верил. Первый автомобиль—старенькие «Жигули»—семья купила фактически на деньги друзей и бывших сослуживцев. Светлана получила права и сначала отвезла Дмитрия на службу, затем уже ехала на работу, вечером все повторяя в обратном порядке. «В общем, эта схема была довольно хлопотной, но она работала. Вот только когда графики наших работ почему-то не совпадали, было плохо обоем». Однажды зимой они попали в автомобильную аварию. Дмитрий сломал ногу и здоровую руку. Но об этом Лоховы вспоминают уже с юмором. Через полгода Дмитрий получил крупную страховку от Министерства обороны и купил другую машину—подержанную японскую модель с гидроусилителем руля и автоматической коробкой передач. Управлять таким автомобилем он научился сам.

Все вернулось на круги своя—он больше ни от кого не зависел. Но этого ему уже показалось недостаточно. Сегодня Дмитрий возвращается домой очень поздно, ведь после работы его ждет Академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, слушателем которой он является уже второй год. «Даже если на «Малахите» попаду под сокращение, думаю, на что-нибудь сгложусь».

«У меня есть одна мечта. Все произошло очень стремительно, и я уехал с Севера не по своей воле. Там остались лучшие друзья и надежды юности. Я хочу туда съездить и самому поставить точку. Закончить тот период жизни, завершить свои отношения с Севером. Не люблю чувства незавершенности.

А после... Я думаю, может, еще получить юридическое образование? Мне, технарю, все эти гуманитарные науки сейчас кажутся такими интересными».

Записал
Алексей ВОЛЫНЕЦ

Р. С. Я думал, что это история о мужестве и силе человеческого духа. Показал рукопись знакомой. «Нет, Лешка, это о настоящей любви. Мужчины и женщины. И мужчины—к жизни, которая у нас всего одна».